HOKKAIDO UNIVERSITY

Title	Примечания к чужим письмам как способ медиальной диалогичности В. Розанова («Литературные изгнанники» и др.)
Author(s)	Нонака, Сусуму
Citation	Acta Slavica Iaponica, 27, 125-138
Issue Date	2009
Doc URL	https://hdl.handle.net/2115/39585
Type	departmental bulletin paper
File Information	ASI27_006.pdf

Hokkaido University Collection of Scholarly and Academic Papers : HUSCAP

Acta Slavica Iaponica, Tomus 27, pp. 125–138

Примечания к чужим письмам как способ медиальной диалогичности В. Розанова («Литературные изгнанники» и др.)

НОНАКА Сусуму

Примечания к чужим письмам являются излюбленным приемом Василия Розанова (1856–1919). Это не столько чисто литературный, сколько полемически-публицистический и вообще журналистский прием, с помощью которого писатель выполнял свою задачу осуществить медиальную диалогичность в журналистике России начала XX в. Особенность стратегии Розанова состоит в том, что он подходил к этой задаче не только как журналист, но и как писатель и мыслитель. Двойственность его подхода оказывается существенной, потому что его журналистская стратегия служила условием реализации Розанова как писателя и мыслителя. Иначе говоря, следует определить медиальные условия данного времени, в которых ему удалось обнаружить собственную тематику, стиль и композицию. Имея в виду эти медиальные условия, можно было бы лучше определить характер диалогичности особого типа, которую Розанов хотел создать с помощью примечаний к чужим письмам.

Примечания к чужим письмам как литературный прием

Как полемический публицист, Розанов пользовался письмами читателей уже с периода спора о «Браке и христианстве». В 1898 г. под этим заглавием (с подзаголовком «Моя переписка с православным священником») он опубликовал письма протоиерея А. Устьинского со своими комментариями и примечаниями к письмам священника. Надо отметить, что Розанов тут еще стоит «наравне» со своим корреспондентом в основной части текста, излагая ход переписки и пересказывая написанное в своих письмах к Устьинскому. В дальнейшем же, в работах «Полемические материалы» и «Из писем о материнстве и супружестве», составивших с «Браком и христианством» большую часть книги «В мире неясного и нерешенного» (1901; 2-е изд. 1904), высказывания самого Розанова заметно отходят «на задний план», выносятся на поля, в примечания. Этот процесс переменил отношение Розанова и корреспондентов, придавая тексту их писем композиционно более самостоятельное место и в то же время отводя примечаниям самого Розанова особую роль переакцентуации, переосмысления или открытия нового горизонта смысла.

Отношения того же типа наблюдаются и в книге «Литературные изгнанники» (1913), включающей письма Н.Н. Страхова и Ю.Н. Говорухи-Отрока с примечаниями Розанова. Как пишет А.Н. Николюкин, к 1913 г.

примечания стали для Розанова «особой жанровой формой», в которой «комментарии впервые стали не вспомогательным, а основным компонентом, образующим структуру книги».[1] В 1913 г. Розанов опубликовал книгу «Письма А.С. Суворина к В.В. Розанову», составленную по тому же принципу. В 1914 г. он начал вести в студенческом журнале «Вешние воды» постоянную рубрику «Из жизни, исканий и наблюдений студенчества», также составленную по данному принципу. Неслучайно около 1913 г. «особая жанровая форма» Розанова достигла совершенства как в отношении новизны композиции, так и эффекта интимности. Как признают многие исследователи, этот период «вполне можно рассматривать как вершину творчества Розанова»,[2] имея в виду такие книги, как «Уединенное» (1912) и «Опавшие листья» (первый короб 1913; второй 1915). Помимо последних книг, принесших ему всеобщее признание как писателя, наиболее «розановской», по мнению В. Фатеева, книгой данного периода являются «Литературные изгнанники».[3]

Говоря о литературных эффектах того типа композиции, который представлен в «Литературных изгнанниках», можно сразу заметить, что отсутствие текста писем самого Розанова совсем не ослабляет, а скорее усиливает диалогичность между корреспондентами. Так, читая письма Страхова, радостно отзывающегося о словах юного друга о нем, нельзя не предаться размышлениям о том, что именно написал Розанов. Страхов пишет следующее:

> Опять скажу, Вы вообще удивительно верно понимаете меня; Ваши похвалы и упреки я готов принять почти без поправок. Вы правы, что я везде только расчищал дорогу, а потом почти вовсе не шел по ней. Ну что же? Скажите мне спасибо, и ступайте сами.[4]

Правда, благодаря тому, что письма Розанова, в свою очередь, были отредактированы и откомментированы Николюкиным, теперь можно прочитать, что же именно он написал. Это бесспорно обогащает издание и помогает нам. Небезынтересно узнать, например, что Розанов не пользовался метафорой о «расчистке дороги», выражаясь более деликатно, но все-таки прямо и откровенно; по-видимому, ее придумал сам Страхов.[5] Но в целом можно подтвердить, что форма «Литературных изгнанников» отличается особенной диалогичностью именно оттого, что в ней отсутствуют письма самого Розанова.

---

1 *Розанов В.В.* Литературные изгнанники. Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. М.: «Республика», 2001. С. 418. Комментарии Николюкина.

2 *Фатеев В.* С русской бездной в душе: Жизнеописание Василия Розанова. СПб.: «Кострома», 2002. С. 451.

3 Там же.

4 *Розанов В.В.* Литературные изгнанники: Воспоминания. Письма. М.: «Аграф», 2000. С. 149.

5 *Розанов*. Литературные изгнанники. М.: «Республика». С. 236–238.

Значительное влияние высказываний Розанова на корреспондентов можно чувствовать или угадывать, читая письма последних. Такие чувствительные в этом отношении корреспонденты, как Страхов или курсистка Вера Мордвинова, переписку с которой Розанов опубликовал в студенческом журнале «Вешние воды», особенно тонко передают его мысли в рефлексии вместе с собственными отзывами. Например:

> Из всех ваших мыслей мне больше всего запало, что, может быть, мы живем в великий век окончания литературы. Литература началась афоризмом (изречения Христа) и кончится им. Это ее таинственный цикл развития.[6]

Заметная наивность в перефразировке мыслей Розанова курсисткой придает им своеобразное выражение. Метафорически говоря, нам доступны только следы действия его слов, а сами слова потеряны. Но тем не менее живость мыслей Розанова не ослабляется, а скорее усиливается через пересказ чужими словами. Правда, не всякие корреспонденты способны на такую отзывчивую диалогичность. И тех корреспондентов, чьи письма он печатал, Розанов выбирал разборчиво и даже систематически.

Что же касается комментариев к письмам, они играют такую своеобразную роль в их переосмыслении или открытии нового горизонта смысла благодаря тому, что Розанов активно пользуется промежутком времени между получением писем и их комментированием. Не совсем утрачивая спорность предметов переписки, он часто перемещает их смысловой контекст и центр тяжести на другой план. Со Страховым, например, Розанов переписывался с 1890 г. до 1896 г., т. е. до самой смерти первого, однако издал его письма с собственными примечаниями, как было сказано выше, лишь в 1913 г. Естественно, что разница в двадцать с лишним лет дает Розанову совсем иной контекст для осмысления случившегося с ним самим. Таким образом он развертывает свою мысль о чем-то «метафизическом и особенном в «строении лица»» в примечании к письму Страхова, который с волнением отзывается о том, что Розанов как преподаватель гимназии как-то получил пощечину от отца своего ученика. Контраст тона письма и примечания отличается тем эффектом остранения, в котором именно и состояло, должно быть, намерение Розанова как комментатора:

> Бедный, бедный Василий Васильевич! Вот какую мерзость приходится Вам перенести. Хуже всего тут то, что невозможно не волноваться, что нужно напрягать всю твердость, чтобы выдерживать нелепые представления о потере чести и т. д.[7] [из письма Страхова]
>
> Из «потом» интересно следующее. Приблизительно полгода я вообще ничего от удара не чувствовал, – ни унижения, ничего. Как не было и

6 *Розанов В.В.* Из жизни, исканий и наблюдений студенчества. Составление, подготовка текста и комментарии А.Ф. Малышева. Калуга: «Гриф», 2006. С. 152.

7 *Розанов.* Литературные изгнанники. М.: «Аграф». С. 181.

> как не случалось. Но через полгода, а правдоподобнее через год или полтора года, я стал чувствовать непрерывную, неумолкающую ни днем, ни ночью боль и тоску именно от *унизительности* пережить удар, «получить удар» и именно «по лицу». Я думаю, есть нечто метафизическое и особенное в «строении лица», вот «лицевых костей», в «благодарной коже» вот именно лица (и только *его*), почему и *возникло* самое «давание по лицу» как способ тягчайшего оскорбления... Не забудем, что здесь, на небольшом пространстве, помещены все органы благородных, «человеческих» чувств, ухо и дар музыки, глаз и талант живописи, обоняние и вкус...[8] [из примечания Розанова]

В этом отношении играет свою роль также и признание того, что Розанов не помнил некоторых писем или того, о чем шла речь («Никакого у меня воспоминания о самом деле»; «Писем я совершенно не помнил и сейчас их читаю как впервые»[9]). Подчеркивая истекший промежуток времени, Розанов не воспроизводит давний диалог, но осуществляет диалогичность по-новому. Ему удается построить триаду, в которой он в примечаниях обращается не к тогдашним корреспондентам, а скорее к читателям 1910-х гг. Но в то же время продолжается внутренний спор. Письмо Страхова 1889 г., негативно отзывающегося о статье Розанова о дарвинизме, он снабдил следующими примечаниями в 1913 г.:

> И тогда чувствовал, и теперь чувствую, что Страхов не уловил всей ценности «Об органическом процессе и механической причинности». Критика в «Русск. Вестн.» – штрих; а статья *испепеляла самую возможность, предупреждала самую возможность* таких легкомысленностей, как дарвинизм. Теперь вот прошло двадцать лет; и что же осталось от дарвинизма?[10]

Таким образом, можно сказать, что перед нами не только интимное воспоминание, но и публицистический и идеологический спор. Смешение интимного и публицистического, частного и общественного, как известно, представляет собой основной принцип розановской стилистики. Жанр «Литературных изгнанников», как и жанр «Опавших листьев», позволяет ему достигнуть этой цели – смешения интимного общения с читателями, признаний личного характера, с одной стороны, и открытого спора на общественные темы, пропагандирования политических позиций, с другой.

Стоит отметить, что еще в 1902 г. Н.К. Михайловский остро чувствовал новизну подхода Розанова к читающей публике, отзываясь о книге «В мире неясного и нерешенного». Обращая особенное внимание на «многоэтажную» архитектуру ее «полемических материалов», состоящих из

---

8 Там же. С. 182. Курсив Розанова.

9 *Розанов В.В.* Письма А.С. Суворина к В.В. Розанову // Признаки времени. М.: «Республика», 2006. С. 293, 297.

10 *Розанов.* Литературные изгнанники. М.: «Аграф». С. 121. Курсив Розанова.

статей участников дискуссии, писем читателей и примечаний Розанова к ним, Михайловский пишет:

> Нельзя сказать, чтобы эта архитектура книги была очень красива и удобна. Кроме того, в книге и много лишнего, то есть не имеющего ни малейшего отношения к обсуждаемым в книге вопросам. (...) Все эти домашние радости и горести, может быть, и очень интересны и важны сами по себе, но едва ли нужны для уразумения «новой концепции христианства».[11]

С иронией, но не без чувства изумления, Михайловский добавляет: «Но как обогатилась бы русская литература, если бы все мы, писатели, обладали знойной привязанностью г. Розанова к безделью и доводили до сведения читающей публики о бракосочетаниях, смертях, болезнях, путешествиях и проч. своих добрых знакомых и их родственников!»[12]

Тут следует иметь в виду, что подход Розанова к читающей публике, новизна которого так поразила Михайловского, не зависит от одного его литературного таланта, как бы оригинален он ни был. Вопрос состоит в том, какие медиальные условия были даны Розанову в данный период и как он ими пользовался как журналист и писатель. Иначе говоря, если вопрос Розанова, по словам Н. Бердяева, в конце концов есть «обывательский, мещанский, обыденный вопрос, но сформулированный с блестящим талантом»,[13] или если Розанов был, по выражению В. Ховина, «поэтом мелочей»,[14] то какие условия послужили появлению и развитию такого таланта и поэта? Вот те вопросы, по нашему мнению, которые надо осмыслить, чтобы лучше определить особенности литературной деятельности Розанова.

Журналистская стратегия Розанова

В переписке между Розановым и Суворинym нередко обсуждался вопрос о том, что можно и нужно публиковать в «Новом времени» и печати вообще. Последний как-то весьма отрицательно отозвался о мысли из статьи Розанова о «Коринфской невесте» Гете, заключающейся, в понимании Суворина, в том, что «сила любви так велика, что умершая девственница зовет своей бессмертной душой мужчину для совершения над ней любовного акта».[15] Характерно следующее: Суворин, подчеркивая,

---

11 *Михайловский Н.К.* О г. Розанове, его великих открытиях, его маханальности и философической порнографии // В.В. Розанов: pro et contra. Кн. 1. Сост., вступ. ст. и прим. В.А. Фатеева. СПб.: РХГИ, 1995. С. 338.

12 Там же. С. 339.

13 *Бердяев Н.А.* Христос и мир. Ответ В.В. Розанову // В.В. Розанов: pro et contra. Кн. 2. С. 27.

14 *Ховин В.Р.* Не угодно ли-с? // В.В. Розанов: pro et contra. Кн. 2. С. 295.

15 *Розанов.* Письма А.С. Суворина к В.В. Розанову. С. 306.

что он «читывал в специальных книгах» о таких случаях, какими занимается судебная медицина и относящихся к так называемому извращению полового инстинкта, решительно исключает возможность обсуждать такую тему в своей газете. «Я не философ, но я твердо знаю, что не дело газеты печатать судебно-медицинские протоколы о любовных актах не только с мертвыми, но даже с живыми. Это дело специальных исследований, и притом в странах с полною свободою печати».[16] Тут существенно сопоставление специальных книг и газеты, поскольку Суворин подметил в розановском понимании социальной функции печати что-то совсем необычное и новое.

Не только этот редактор, но и читатели осуждали содержание и манеру его публикаций. Читательские письма ясно показывают, что их поражали не столько сами вопросы, которыми занимался Розанов, сколько то, как он о них говорил «на публику». С точки зрения читателей, это не что иное, как злоупотребление влиянием газеты и непонимание ее общественной функции:

> С ужасом я дочитала вашу статью «Природа и Церковь». Ведь вы знаете, что газета «Русское Слово» – очень популярная и вашу статью прочтут не одни люди университетского образования, знакомые с различными направлениями, а масса народа. Именем всего святого умоляю быть осторожным с вековыми святынями, не заслоняя их своеобразным, вольным суждением.[17]

> Многоуважаемый В.В.! Прежде всего простите, что посылаю вам письмо без подписи: не решаюсь же подписываться, зная вашу почти болезненную наклонность печатать даже интимные письма, в которых автор прямо указывает, что пишет не для печати.[18]

Следует отметить значительную роль анонимности писем читателей, пишущих Розанову, которая помогала публикации самых интимных сторон их жизни. Как показывает последнее письмо, некоторые читатели сами выбирали анонимность, вполне сознавая возможность опубликования Розановым их частных писем. Такие ожидания «публикации частного» со стороны читателей, пишущих в редакцию о самих себе, составляют условия становления массовой журналистики, способной поглощать, вопреки убеждению Суворина, все сферы человеческой жизни, будь то общественная или частная, идеологическая или чисто бытовая. Печатание частных писем позволяло Розанову переступать границы между этими сферами. Для этой цели ему служили письма полузабытых людей, как Н. Страхов и Ю.Н. Говоруха-Отрок (Ю. Николаев), или обыкновенных читателей, поскольку так заметнее становился сам процесс публикации под-

16 Там же. С. 307.

17 *Розанов В.В.* Люди лунного света: Метафизика христианства. Репринтное воспроизведение второго издания 1913 г. М.: «Дружба народов», 1990. С. 272.

18 *Розанов В.В.* В мире неясного и нерешенного. М.: «Республика», 1995. С. 333.

робностей личной жизни. Читаешь частные письма не потому, что они были написаны известными людьми, но именно потому, что они частные и потому ненужные с традиционно общественной точки зрения. Однако такая «ненужная» сфера жизни становилась все более ценной и интересной в рамках массовой журналистики. Заслуга Розанова как журналиста состояла в том, что ему удалось показать своим читателям возможность чтения нового типа – распространяемого посредством массовой журналистики чтения частных писем о частной жизни.[19]

Что касается «анти-гутенберговских» настроений Розанова, их также следует рассмотреть с точки зрения его журналисткой стратегии. Его стремление к «допечатному» или «рукописному» началу слова, высшим достижением которого признают «Уединенное» и «Опавшие листья», на самом деле имело особенное значение именно на фоне доминирования печатного, в особенности, газетного слова. Подчеркивая противоположность рукописного и печатного начала, он повышал «медиальную ощутимость» данного текста. Такой противоположностью, подчеркнутой гетерогенностью видов текстов и отличаются «Литературные изгнанники», где, как уже было отмечено, письма и примечания составляют заметный контраст относительно намерения, контекста и адресата. В этом отношении очень характерны недоуменный вопрос курсистки Веры Мордвиновой, письма которой часто печатались в рубрике «Из жизни, исканий и наблюдений студенчества» студенческого журнала «Вешние воды», и ответное размышление Розанова в примечании к ее письму:

> Я тоже редко получаю от вас письма, и мне немножко больно стало и жутко стало, зачем вы так торопитесь с печатанием писем моих. [из письма Мордвиновой]
>
> Мне самому в значительной степени жутко и сам спрашиваю себя: «Зачем»? Какое-то странное чувство смерти. «Все умрем», «все умрет». Мир, что он? Океан, нас поглощающий, нас глотающий? И вот «Иона во чреве китовом» – жалкий человек и человечишка, в сем страх «всеобщего исчезновения в смерти» усиливается спасти то, что ему было «любо на свете», к чему он прикрепил мысль свою. «Письма – валяй, и письма в «печать»». Гуттенберг изобрел машинку – «валяй душу в машинку». Так происходит литература, так происходит ужасная «печать». Стыдно признаться: из всей «печати» от Гуттенберга до «теперь» я люблю собственно только «собою (мною) напечатанное». Прочее – нужно, но неинтересно, но священно – только свое. [из примечания Розанова][20]

Чувство нарушения границы личного и общественного, рукописного и печатного делает текст более медиально ощутимым. Письма или

---

19 Конечно, нельзя сказать, что Розанов не имел предшественников в отношении подобной журналисткой стратегии. Известно, например, что Достоевский в «Дневниках писателя» также публиковал частные письма своих читателей.

20 *Розанов*. Из жизни, исканий и наблюдений студенчества. С. 244.

«душа» же, перемещаясь в «печать», получают иную функцию, как в прежнем допечатном положении, а именно, по мнению Розанова, функцию освятить и обессмертить свою жизнь и жизнь своих ближних. Иначе говоря, как бы «анти-гутенберговские» настроения Розанова на самом деле имеют значение только в самой гутенберговской среде, среде «ужасной «печати».

Чувствительное, национальное, женственное

С. Трубецкой, осуждая Розанова за излишнюю чувствительность, еще в 1896 г. подметил свойственное ему стремление к «национальному характеру»:

> В публицистике он сделал то же, что символисты в поэзии, заменяя мысль и рассуждения гаммами чувств, которые выражаются в странных, новоизобретенных звуках, в бессвязных, иногда совершенно немыслимых сочетаниях слов и образов. (...) При этом г. Розанов стремится придать своему символизму национальных характер, подражая выкликаниям юродивых и причитаниям прежних вопленицъ, в которых он, по-видимому, усматривает образцы истинно-русской публицистики в отличие от публицистики Запада, сгнившего в своем «рационализме».[21]

В самом деле, журналистская деятельность Розанова шла и дальше по этому руслу. Он долго и сознательно разрабатывал связь эмоционального и национального, представляя последнее поддающимся эмоциональному подходу более, чем рациональному и теоретическому анализу. Его подход к таким вопросам, как пол, церковь или даже Государственная Дума эмоционален так, что эмоциональная тональность служит не столько описанию собственных душевных переживаний, сколько выделению их национального характера. В переписке с читателями обсуждаются личные и общественные вопросы на одном и том же уровне, где пробным камнем рассуждений является не логическая точность, но эмоциональная непосредственность. Явно предпочитая читателей, присылающих эмоциональные, чувствительные письма более «трезвым», Розанов нередко провозглашал первых олицетворением новых сторон национального характера. Чем эмоциональнее их письма, тем полнокровнее они выражают не только себя, но и их родство с национальным характером. Вот как он восхищался письмами Веры Мордвиновой:

> Комментаторство – глубоко русская, национальная черта, «отметка резкая ногтей». И если какому-нибудь мученику науки придет на ум собрать плоды науки, то отдел русской науки надо будет печатать не в тексте, но в примечаниях. (...) Вот и древняя наша литература: пусть это все переписывание чужих сочинений, но всегда с отметкой резкою

21 *Трубецкой С.Н.* Чувствительный и хладнокровный // В.В. Розанов: pro et contra. Кн. 1. С. 297–298.

> ногтей – русского человека, и из-за этой отметины, царапины и надо ее изучать. [из письма Мордвиновой]
>
> Как изваяно! Навечно! Поразительно – никто этого не сказал о древней русской письменности (о «Пчелах», «Измарагдах»), которая действительно вся и всем кажется «переводною» и по сему самому «не интересною по содержанию и смыслу», а лишь нужною в целях изучения палеографии, археологии и вообще подробностей и мелочей истории. (...) Но девятнадцатилетняя воскликнула: «Нет, тут жизнь! – интереснейшая!» [из примечания Розанова][22]

Вряд ли кто-нибудь интересуется рассуждениями в этих письмах с точки зрения точности и объективности. Они сознательно эмоциональны и интуитивны. Подчеркнуто эмоциональное отношение к вопросу русского национального характера имеет для Розанова важное значение. При этом он рассматривает в особенности женских читателей как своих «соратников».

В 1906 г. Розанов пишет, что России нужно «образованное общество, читающая и размышляющая масса»,[23] в которой женская половина общества должна играть своеобразную роль – роль распространителя и популяризатора:

> Нет более надежного и более ревностного распространителя вообще всякого рода нововведений, чем женщины, – чего бы дело ни коснулось от покроя платья до философии, от удовольствий до религии! У нас Екатерина II распространяла идею Дидеро, в Швеции королева Христина пропагандировала философию Декарта (...). Поэтому если новый женский университет и не даст нам Ломоносовых или Менделеевых, которых совершенно и не нужно ждать, то он даст нечто большее: такое же подвижное, живое, благородно-веселое общество, каковое было в Греции перед зарею христианства и было во Франции, Италии, Германии и всюду в Европе в пору Возрождения.[24]

Говоря о значении женского образования для дела общественного просвещения, Розанов явно отводит женщинам гендерно установленную роль популяризатора, в лучшем случае популяризатора «подвижного, живого, благородно-веселого». Но, с другой стороны, Розанов считает, что именно женская читательская публика способна оценить и поддержать новую роль журналистики, которая должна служить, по его убеждению, созданию национального единства на новом уровне.

---

22 *Розанов.* Из жизни, исканий и наблюдений студенчества. С. 183–184.

23 *Розанов В.В.* Женский университет в Москве // Русская государственность и общество (Статьи 1906–1907 гг.) М.: «Республика», 2003. С. 57.

24 Там же.

Дифференциация общества как условие национального единства

Необычайная сенсационность споров Розанова о таких вопросах, как пол и религия, брак и христианство, семья и монашество и т. д. была обеспечена тем, что он внес в них физиологическую точку зрения. Откровенность сообщений и рассуждений на такие темы была оправдана физиологическим подходом. Вспомним возмущение Суворина, осудившего неуместность печатания в газете таких вопросов, какими подобает заниматься в специальных медицинских исследованиях. Но из дальнейшего можно заключить, что журналистская стратегия Розанова была принята читающей массой в России начала XX века, в особенности после революции 1905 г.

Надо отметить, что физиологическая точка зрения была применена им для решения тех вопросов, к которым ранее относились только как к религиозным или нравственным. Так, долго занимавший его вопрос развода Розанов освещает с разных сторон, в том числе и с точки зрения «здоровья нации» и «здоровья потомства». Обращая большое внимание на «голос медиков» при введении в закон нового основания для развода («Болезненное состояние, устраняющее возможность брачного сожития и вредно влияющее на потомство»), он пишет, что Россия и русский народ скажет им «историческое свое спасибо».[25] Брак и развод – это не только религиозный, но и национальный вопрос, что хорошо показывает медицина:

> Муж – *форменный алкоголик*, и все потомство его, как учит медицина, как *знает* она через свои внимательные наблюдения и статистику, является преступным и порочным. Школа мается, наполняется тюрьмы: и все оттого, что в свое время, видите ли, нельзя было, «из уважения к таинству церкви», отнять жену у человека, впавшего в форменный, беспробудный и неисцелимый алкоголизм. Да, много тюрем наполнено, сумасшедших домов, больниц из-за этого уважения.[26]

Призывать надо не только медиков, пишет Розанов, но и биологов, социальных строителей, статистиков, экономистов. Если церкви всего этого не нужно, то семье статистика чрезвычайно нужна. Семья и брак составляют самостоятельную, равную с другими область российского общества, конструктивным принципом которого является национальное единство, а не религиозное. На этом принципе основано отношение Розанова к вопросу о «браке и христианстве», равно как и его журналистская стратегия по этому вопросу. Свою позицию он объясняет «аналогией»:

> Как военный лагерь – одно, так монашеский сонм – другое, и семейная куча – третье. Всему свой закон и *свой дух*. Губительно для каждого

25 *Розанов В.В.* Здоровье потомства как народно-государственная задача // Русская государственность и общество (Статьи 1906–1907 гг.). С. 360.

26 Там же. С. 361. Курсив Розанова.

> брать начальство из другого лагеря. (...) Как «опасно для души» читать в монастыре роман, даже классический, Диккенса, Скотта или Толстого, ибо там упоминается про любовь и семью, так в семейном дому семейному человеку, детям, матерям, отцам, воспитателям, грешно и «не полезно», разрушительно и запретно держать в руках и в дому хотя бы самую лучшую, поэтическую и глубокомысленную, книгу их темного лагеря, «черной» братии, давшей «зарок против семьи».[27]

Дифференциация областей и функций общества или их специализация под началами национального единства – это «простой мой метод, простое требование», по поводу которого Розанов уподоблял себя «врачу, прописывающему простую хину при виде простой лихорадки».[28] Если дифференциация общественных функций дает национальное единство, то центральную роль здесь он отводил журналистике, поскольку она отличается многосторонностью информации, одновременно оказывающейся в ее распоряжении. В этом отношении Розанов провозглашает газету истинным медиумом национального единства.

«Консерватизм» Розанова

Как известно, журналистский успех Розанова был частично обеспечен «свободой прессы», достигнутой в России после 1905 г. Хотя это было время «относительной свободы», Розанов все-таки чувствовал, что российское общество переживает новую «эпоху преобразований», которая должна продлиться не одно десятилетие. «В ней глубочайше переработается весь внутренний организм России»,[29] пишет он в «Новом времени» на новый 1907 год. Используя новые условия журналистики, он активно выступал и по вопросам политики.

При этом парадоксальным, но характерным являлось принципиальное неприятие Розановым политической системы, основанной на политических партиях, которая начинала действовать в Думе. Дело в том, что он ожидал от Думы совсем другого: «Встретятся Государь и народ. Впервые – лицом к лицу».[30] Политическая непрактичность этого ожидания объясняется, разумеется, тем, что в Думе выступали представители разных партий и групп, а не народа в целом. Для Розанова существует большая разница между «государственным» и «общественным», не понятая ни в Думе, ни в левой печати:

---

27 *Розанов В.В.* Связь частной и народной нравственности // Русская государственность и общество (Статьи 1906–1907 гг.). С. 324. Курсив Розанова.

28 Там же.

29 *Розанов В.В.* На новый год // Русская государственность и общество (Статьи 1906–1907 гг.). С. 244.

30 *Розанов В.В.* Государь и Государственная Дума // Русская государственность и общество (Статьи 1906–1907 гг.). С. 64.

> В [первой] Думе нет государственного смысла и государственного мужества. В Думе нет ни одного государственного ума и ни одного государственного характера. Вот в чем беда. (...) Все партии суть чисто общественные, пожалуй, литературные. Дума есть говорящие газеты, как газеты суть пишущая Дума: отсюда между ними трогательное единение.[31]

«Консерватизм» Розанова выражается в том, что, при всем положительном отношении к дифференциации социальных функций и сфер российского общества, выше всего он ставит идею национального единства. Его разочарование в первой Думе и, как нам кажется, парламентаризме вообще объясняется убеждением, что там не состоялось такое единство, о котором он мечтал. Как отмечает Фатеев, «классовой борьбе» Розанов противопоставляет «народный дух».[32] Вопрос же состоит в том, где ему найти народный дух или идею национального единства. «После политической метелицы двух лет», в день Рождества 1907 г. он обратился к противопоставлению государства и быта, находя в последнем место единения нации и национальной культуры:

> День этот – день русской семьи, русских домов. Это не праздник государства, а праздник быта. Быт же роднит поэзию, сказки, песню, танцы и милое дружелюбие людей. Быт гораздо выше политики. Из быта родилась вся литература, все литературы (...). Бог с ней, с политикою, забудем на сегодня ее и отдадимся всею душою быту и бытовому, народному и национальному. Будем проводить его в столицах и городах с тою простотою, как в деревнях: ведь смысл праздника – в самом деле пастораль и первобытность! [33]

На самом же деле, «пастораль и первобытность», которые должны праздноваться одновременно и по всей стране, можно осуществить именно через развитие журналистики, в особенности газеты. Называя Суворина «Ломоносовым русской ежедневной прессы»,[34] Розанов расхваливает общенародность «Нового времени», предоставившую «родному голосу» Суворина «неизмеримый вес везде – от дворцов до хижин, от петербургских министров до далеких окраин».[35] Одновременное речевое пространство представляет собой основу для создания национального единства. Не

---

31 *Розанов В.В.* Хозяин страны // Русская государственность и общество (Статьи 1906–1907 гг.). С. 96–97.

32 *Фатеев*. С русской бездной в душе. С. 587.

33 *Розанов В.В.* День Рождества Христова // Русская государственность и общество (Статьи 1906–1907 гг.). С. 487.

34 *Розанов*. Письма А.С. Суворина к В.В. Розанову. С. 278.

35 *Розанов В.В.* А.С. Суворин // Признаки времени. С. 178. Надо признать, однако, что Розанов явно преувеличивает «всенародность» газеты Суворина. Об этом см.: *Динерштейн Е.* А.С. Суворин и его газета «Новое время» // Новое литературное обозрение. № 15 (1995). С.191–192.

религиозное, а *всенародное* значение Рождества для быта страны отстаивается массовой журналистикой.

Отсюда становятся понятными и следующее моменты. Во-первых, как известно, Розанов печатался в разных газетах, противостоящих друг другу идеологически, поскольку он не считал их представителями определенных политических или партийных позиций, а скорее медиумом национального общения и сплочения. Во-вторых, одной из центральных тем в 1910-е гг. для него стала война, поскольку она служила пробным камнем национального единства. Правильной оказалась интуиция Розанова, что война не дело политики или государства, а скорее дело быта и народа, поскольку в XX веке доминантной стали тотальные войны с мобилизацией всех сил и средств.

В самом деле, письма студенчества и примечания Розанова к ним показывают, что война, начатая в 1914 г., была центром их внимания и единения. Вера Мордвинова, чьи брат и отец служили на фронте, пишет ему:

> Есть какое-то таинственное сродство между теперешней войной и нашей странной с вами дружбой. Весь мир воюет, чтобы убедиться, что существует. Ну, а в нашей дружбе? Вы да я (особенно я), убеждаюсь, что существую.[36]

Можно сказать, что Розанов пользуется такими субъективными и отрывочными впечатлениями молодежи с тем, чтобы изменить границу между общественной и частной сферами жизни людей и страны. Розановский «быт» или, по терминологии Бердяева, «вечно бабье в русской душе» не является началом частной сферы жизни, а началом создания национального единства. Опубликованные им письма читателей имеют своей целью выражать такой «быт» в конкретном, живом образе. Лишаясь первоначальной интимности, они приобретают роль катализатора национального сознания в рамках журналистики. В 1912 г. Розанов пишет: «Решительно мы живем при какой-то перемене климата в России».[37] Он имеет в виду, вероятнее всего, подъем патриотических настроений в обществе, что можно подтвердить «вторым возрождением славянофильства» (Флоренский, Эрн, С. Булгаков и др.). Нужно заметить, что Розанов характеризует данную «перемену климата» в связи с изменением печати и книгопечатания. Приветствуя издание полного собрания сочинений К. Леонтьева в 1913 г., он обратил большое внимание на признаки изменения «механизмов» книгопечатания в России:

> Зашевелились приспособления, зашевелились механизмы, без которых, увы, никакая «психея» не может жить, летать, дышать. Это – книготорговля, печать, магазины, библиотеки, «Рубакин». «Если Рубакин не за

---

36 *Розанов.* Из жизни, исканий и наблюдений студенчества. С. 171.

37 *Розанов* ***В.В.*** Признаки времени // Признаки времени. С. 240.

> тебя, – умрешь, добрый Вильям», – приходится сказать Шекспиру. И приходится всякому «Шекспиру» поклониться «Рубакину». Что делать – времена. Но вот «Рубакин» сломлен, уговорен, «смилостивился». Нет больше механических препятствий.[38]

Не без оснований он верил, что в 1910-е гг. возникает новая читающая публика и среда, поддерживающая развитие консерватизма не только идейно, но и материально. Публикуя «Литературных изгнанников» в 1913 г., он был уверен, что «настанет и уже настает другое Небо» для консервативного лагеря.[39] Под «другим Небом» имеется в виду не только идейный климат, но и медиальные условия России данного времени.

Подведем итоги. Примечания к чужим письмам позволяют Розанову осуществить, главным образом, две задачи. Во-первых, как литературный прием, они дают возможность реализовать свойственную ему склонность к нарушению границы между частным и общественным, интимным и открытым. Примечания Розанова часто превращают чисто полемическое в более диалогическое, открывают новый горизонт смысла в письмах корреспондентов. Вместе с тем здесь можно добавить следующее: нарушение существующих границ – это и есть задача литературы. Если это так, данный прием Розанова является еще одним свидетельством того, что он был одним из самых «литературных» литераторов России начала XX в.

Во-вторых, с помощью данного приема Розанову удалось создать новое речевое пространство в массовой журналистике, где конструктивным принципом является идея национального единства. Эти две задачи были тесно связаны между собой; медиальные условия России и журналистская стратегия Розанова сделали данный прием возможным и злободневным в российском обществе именно в 1910-е годы.

---

38 *Розанов* ***В.В.*** К изданию полного собрания сочинений К. Леонтьева // Признаки времени. С. 121.

39 *Розанов*. Литературные изгнанники. М.: «Аграф». С. 207.